

Услышав ответ, Мин Чжэнь чуть отступил назад на полшага, но взгляд не отвёл — внимательно изучал каждую черту этого знакомого лица, прежде ускользавшую от его внимания.

Без привычного слоя пудры и румян, смягчавших черты, теперь чётко проступали изгиб бровей, лёгкий изгиб уголков глаз, уже намечающийся подбородок... Всё это давно указывало на правду.

Просто прежнее представление, укоренившееся в сознании, словно мягкая ткань, накрывало эти признаки, делая их невидимыми.

А теперь, когда эта завеса рухнула, он ясно увидел: во взгляде Ли Чжао сияла не девичья нежность, а ясность и скрытая решимость.

Ветер по-прежнему гулял по галерее, неся с собой зимнюю стужу. В мире двух юношей, только что вступивших во взрослую жизнь, звучали тихие звуки разлома и перестройки — звуки, слышимые лишь им самим.

Мин Чжэнь молча, с напряжённым лицом убрал обратно ту самую половинку нефритовой подвески в виде плывущей рыбы.

— Ваше Высочество, мне нужно немного остыть, — сказал он и ушёл.

Позже Мин Чжэнь узнал всю правду целиком. Он не выразил ни гнева, ни упреков — просто спокойно принял случившееся.

Тот внезапно возникший и так же резко оборвавшийся разговор о сватовстве был молчаливо похоронен обоими. Ни один из них больше не возвращался к этой теме.

Отношение Мин Чжэня к Ли Чжао тоже не изменилось кардинально: они по-прежнему проводили время вместе, советовались, гуляли. Но теперь, когда исчезла преграда «принцессы», между ними словно испарилась невидимая стена — общение стало теплее, ближе.

Например, обращение в уединении незаметно сменилось с формального «Ваше Высочество» на единственное в своём роде — «А Чжао».

Однако сейчас, оглядываясь назад, Ли Чжао не мог понять: не слишком ли сильно первоначальное впечатление повлияло на Мин Чжэня? Ведь они знали друг друга восемь лет, но только три из них он был настоящим — принцем Жуй.

Теперь, вспоминая прошлое, он задавался вопросом: любит ли Мин Чжэнь его самого — принца Жуй, или всё-таки продолжает видеть в нём образ той самой «принцессы», и чувства лишь перешли по инерции?

Хотя Мин Чжэнь как-то прямо сказал: «Любой ты, А Чжао, — мне всё равно хорошо».

Как же всё запутанно... Спрашивать ли об этом? Они ведь только недавно признались друг другу в чувствах — не покажется ли это излишней тревожностью?

— Принц Жуй, вернитесь в реальность! О чём задумались? Такое выражение лица... — раздался совсем рядом голос, вырвав его из воспоминаний о том самом неловком моменте раскрытия правды и из водоворота мыслей.

Ли Чжао встретился взглядом со своим отражением — и увидел в нём себя настоящего: без масок, без притворства, таким, какой он есть сейчас.

Внутри что-то лёгкое дрогнуло. Он усмехнулся — сам над собой. Как много лишнего он себе надумал!

Разве Мин Чжэнь — человек, который не знает, чего хочет на самом деле? Сейчас главное — устранить ту угрозу, о которой говорилось в «Небесной Хронике». Нельзя допустить повторения прошлых ошибок.

А ответы на остальные вопросы можно не торопиться выяснять. Ведь любимый человек рядом, путь под ногами, будущее впереди — и этого уже достаточно.

— Да так, ничего особенного, — с лёгкой усмешкой начал Ли Чжао. — Просто вспомнил, как однажды кто-то всерьёз собирался просить моей руки. Я отказался, а он всё равно пытался всучить мне свою нефритовую подвеску.

Говоря это, он уверенно протянул руку, раскрыв ладонь и подёргивая пальцами:

— Ну что, новоиспечённый возлюбленный? Не пора ли сделать знак внимания? Где та подвеска? Не потерял случайно?

Он посмотрел на пояс Мин Чжэня. После того случая тот всегда носил только половинку подвески в виде рыбы, а вторая часть бесследно исчезла — её больше никто не видел.

Мин Чжэнь, следуя движению его протянутой руки, бросил взгляд на свою талию, где одиноко поблёскивала половина нефрита. Он не спешил её снимать, а вместо этого взял ладонь Ли Чжао в свою и тихо сказал:

— Не волнуйся, она не потеряна. Я положил её в одно особое место.

Увидев, как брови Ли Чжао приподнялись, а в глазах загорелось ещё большее любопытство, Мин Чжэнь добавил неторопливо:

— Эта подвеска — семейная реликвия. Её носят с детства специально для помолвки. Так что... когда вторая половина снова увидит свет — зависит от тебя. Как только А Чжао выполнит своё обещание, я тут же отдам её.

Услышав эту фразу, в которой звучала и серьёзность, и вызов, Ли Чжао, конечно, не мог остаться в долгу:

— Отлично! Тогда береги хорошенько — не то вдруг я подготовлюсь, а ты свою половинку уже не найдёшь!

Мин Чжэнь тихо рассмеялся и крепче сжал его руку:

— Ха... Этого точно не случится.

— Подвеску пока отдать не могу, — сменил он тему, — но есть другой знак внимания. Хочешь?

С этими словами он отпустил руку Ли Чжао, засунул руку за пазуху и достал небольшой свёрток, завернутый в простую шёлковую ткань.

Под любопытным взглядом Ли Чжао Мин Чжэнь положил свёрток ему в ладонь и жестом предложил раскрыть.

Шёлк развернулся слой за слоем — и открылись два гладких, тёплых на ощупь нефритовых перстневых кольца (банчжи).

Их форма была строгой и благородной; на поверхности едва угадывались узоры, напоминающие облака и сосны.

На внутренней стороне каждого кольца тончайшей резьбой было выведено по иероглифу: на одном — «Чжао», на другом — «Чжэнь».

— Это... — Ли Чжао взял кольцо с иероглифом «Чжао». Оно было тёплым — очев[идно], что долгое время хранилось у кого-то близко к телу.

— Давно получил кусок нефрита, — равнодушно пояснил Мин Чжэнь, будто речь шла о чём-то незначительном. — В свободное время сам вырезал. Надписи добавил позже.

Его взгляд скользнул по кольцу:

— Хотел подарить тебе в день совершеннолетия — как поздравительный дар.

— Тогда почему не подарил? — удивился Ли Чжао. На его совершеннолетие Мин Чжэнь преподнёс совсем другой подарок.

Мин Чжэнь на миг замолчал, отвёл глаза и с лёгким вздохом произнёс:

— Просто... отвлёкся. При вырезании надписи допустил ошибку.

Ли Чжао нахмурился, надел кольцо с иероглифом «Чжао» на большой палец — оно оказалось велико. Он задумчиво потянулся и надел его на палец Мин Чжэню.

Идеально подошло.

Ли Чжао мгновенно всё понял и с хитринкой посмотрел на Мин Чжэня:

— Вот оно что!

Мин Чжэнь позволил ему надеть кольцо и спокойно выдержал его взгляд.

— Но теперь — как раз в самый раз, — сказал он.

Он взял второе кольцо — с иероглифом «Чжэнь» — и положил его в руку Ли Чжао. Их пальцы на миг соприкоснулись — и разошлись.

— Да, действительно, в самый раз, — согласился Ли Чжао.

Он смотрел на пару колец, украшенных гармонично сочетающимися узорами, одинаково мерцающих в свете углей, и чувствовал глубокое удовлетворение. А потом подумал: а что бы ему подарить в ответ?

Мин Чжэнь бросил взгляд в окно и напомнил:

— А Чжао, тебе пора. Император зовёт. Если поторопишься, успеешь вернуться во дворец вместе с посланцем.

О боже! Из-за влюблённости он чуть не забыл про отца!

— Ваше Высочество! — раздался снаружи взволнованный голос Фу Гуя. — Только что доложили: из дворца прибыли люди! Похоже, ищут именно вас!

— Иду, сейчас! — отозвался Ли Чжао.

Перед тем как уйти, он вдруг резко обернулся, сделал шаг вперёд и быстро приблизился к Мин Чжэню.

«Чмок!» — тёплое прикосновение мелькнуло у самого уголка губ Мин Чжэня.

— Прощальный поцелуй! Ушёл! — бросил он и, не дожидаясь реакции, стремительно развернулся и вышел, лишь махнув рукой через плечо.

Мин Чжэнь остался на месте, как поражённый громом. Пальцы сами потянулись к уголку губ — там ещё ощущалась мимолётная мягкость.

Он смотрел, как его возлюбленный, не оглядываясь, широким шагом исчезает за поворотом галереи. И на его губах, в уголках глаз, медленно, но несомненно, расцвела тонкая, но настоящая улыбка.

Он посмотрел на новое кольцо с иероглифом «Чжао» и другой рукой крепче сжал ту половинку нефритовой подвески у пояса.

Да, всё действительно изменилось.

Это осознание, вместе с тёплым следом на губах, наконец плотно и по-настоящему опустилось в самое сердце.

Снаружи Ли Чжао не замедлял шаг, направляясь прямо к задним воротам усадьбы — легко и весело.

— Ваше Высочество, — Фу Гуй, запыхавшись, еле поспевал за ним, — мы же только что вошли через главные ворота, как полагается! Почему теперь уходим потихоньку через задние?

Ли Чжао повернул голову, не скрывая улыбки, и в голосе его прозвучала лёгкая виноватая хитрость:

— Потому что перед правым министром я соврал, будто уже уехал.

— А?! — Фу Гуй опешил, несколько мгновений соображал, потом наконец понял игру слов в этом «уехал». Но, глядя на спину своего господина, которая буквально излучала довольство и радость, он только ещё больше растерялся: — Зачем?!

— Об этом узнаешь со временем, — уклончиво ответил Ли Чжао.

Он ловко перемахнул через стену и посмотрел в сторону дворца. Интересно, зачем отец так срочно его вызвал?

<http://bllate.org/book/17167/1607678>